

В монографии А.Л.Валевского рассматриваются теоретические и методологические основания биографики — науки, опирающейся на древние традиции биографического письма, берущие свое начало еще с Плутарха. Биографика в версии Валевского — определенный тип гуманитарного знания в самом широком смысле этого слова. Биографика предстает перед читателем не только как наука о том, как писать биографии, а в качестве научного метода познания культуры другой эпохи посредством изучения написанных в то время биографий.

Биографика — наука об индивидуальном. Является ли она в таком случае вообще наукой? И если да, то в какой степени? По мнению автора, сама идея оснований биографики есть вызов аксиоме, гласящей, что наука об индивидуальном якобы невозможна. Интерес к жанру биографического письма сегодня во многом обусловлен дальнейшим размежеванием науки и искусства. И хотя биограф не может выступать в роли естествоиспытателя, который, используя формально-абстрактный инструментарий, препарировывает предмет исследования, тем не менее, после прочтения книги у читателя складывается твердое убеждение, что биографика — безусловно наука.

Монография, являющаяся, очевидно, опубликованной версией диссертационного исследования, сохраняет его структуру и стиль изложения, поэтому ей присущи связанные с этим жанром плюсы и минусы: богатейший корпус использованной литературы и в то же время слишком "плотное" изложение, чрезмерное употребление научных терминов. Текст "украшен" множеством любопытных афоризмов, придающих ему эмоциональную окраску, что совершенно не снижает его "научности".

Книга состоит из четырех глав. В первой "Онтологический горизонт биографического знания" речь идет о возможностях и границах биографии как типа гуманитарного знания. Биография — определенный вид рефлексии, возникший в рамках европейской культурной традиции, с присущим ей индивидуализмом. Поэтому биографика — это реконструкция истории личностной индивидуальности.

Онтологический горизонт биографического знания обозначается через следующие базисные гуманитарные соответствия или понятия: текстуальность, идентичность, вопрошание и игру. (Оговоримся сразу, что под словом "биография" автор понимает не саму реальную историю жизни человека, а результат исследовательской работы по "реконструкции жизни".)

Текстуальность подразумевает, что личность предстает перед биографом в облике текста, как в прямом употреблении этого слова, то есть в форме личных документов, различного рода свидетельств, архивных материалов, так и в более широком значении, а именно как определенная структура поведения, определенный стиль жизни, способ чувствования, разумения, проговоренный и обозначенный в текстах. Как писал М.М.Бахтин: "Там, где человек изучается вне текста и независимо от текста, это уже не гуманитарная наука."

Идентичность или самоидентичность есть ответ на вопрос "Кто я?", то есть это конструкция самосознания, проговариваемая, каким-то образом поименованная и осмысленная, обладающая для самого индивида безусловной ценностью. Биограф же задается вопросом "Кто он?" и ни в коем случае не занимается имитацией идентичности персонажа. Идентичность не является константой на протяжении жизни персонажа. Реконструируя самосознание персонажа, биограф создает "идентичность после смерти", хотя вся биографическая традиция и зиждется на допущении, что жизнь человека не заканчивается его физической смертью.

Вопрошание. Здесь речь идет о соотношении вопрошания и проблематизации. С точки зрения научной процедуры эти понятия однозначны, но с точки зрения онтологии — нет, поскольку биограф обязан проникнуться интересами, мыслями, культурой исторического персонажа, то есть реконструировать его вопросы, его проблемы. По мнению Валевского, важно фиксировать границу между проблемой как реальностью чисто познавательного характера и вопрошанием как онтологической фигурой. Иными словами, надо не только задавать вопрос тексту для его интерпретации, но и реконструировать вопросы персонажа к реальности, которыми он задавался, создавая этот текст.

Следующее онтологическое понятие биографики — *игра*. Не будем излагать здесь идеи "Человека играющего" Хейзинги, на которые в значительной степени опирается

Валевский, отметим лишь, что для биографа индивидуальность персонажа предстает как определенная роль, которую исполняет историческое лицо. Понять и объяснить поведение личности, считает Валевский, можно, реконструируя эту роль. Более того, биографическая реконструкция есть игровое действие еще и потому, что это действие интерпретации. И в то же время "высшее биографическое искусство есть сокрытие биографа" (с.28).

Вторую главу, в которой в целом речь идет об основных процедурах и понятиях биографической реконструкции, автор начинает с классификации биографий: *энциклопедическая*, для которой характерно скрупулезное изложение фактов и максимально объективное описание событий; *историческая*, с ее ориентацией на научность изложения и объяснения; *портретная*, представляющая собой повествование об отдельных событиях и этапах жизни персонажа без общей панорамы жизни эпохи; *литературная* или художественная, при написании которой биограф считает себя свободным от норм научной обязательности, широко используя при этом домысел (но не вымысел!).

Далее автор подробно останавливается на эпистемических основаниях, или базисных вопросах биографики: концептуальной структуре, содержании, отборе, фактах, обобщении, объяснении, каузальной структуре повествования, ценностях и объективности использования социальных наук, историческом влиянии, изображении.

Понятие биографической реконструкции включает в себя комплекс методологических презумпций, установок, категориальный инструментарий, схемы объяснения, нормы изображения, которые в своей совокупности позволяют исследователю, ориентируясь на принятый в данной интеллектуальной традиции критерий достоверности знания, воссоздать личную индивидуальность персонажа. В этой же главе дается схема реконструкции, во многом, по мнению самого же автора, упрощенная. Она содержит следующие этапы: формирование актуального знания, получение выводного знания или построение исследователем определенных причинно-следственных отношений в жизни персонажа, этап непосредственного изложения, где доминирующее значение имеет осмысление, оценивание исторической жизни, воплощение полученного знания в оригинальную литературную форму.

Биография как описание ныне получила чрезвычайно широкое распространение, в то время как биография как объяснение — явление редкое. Свою задачу, на наш взгляд, автор видел в следующем: "Если раньше считалось, что такие процедуры, как аналогия, подробное описание, морализаторское наставление, выполняют функции объяснения, то сегодня "объяснить" означает использовать теоретическое знание, его категориальные и проблемные возможности. Уровень и характер объяснения выступают своеобразным критерием процесса биографического знания" (с.39).

В то же время, как считает Валевский (и это большая заслуга автора), биографическое объяснение нельзя представить как список методологических рекомендаций и условий, которым должен соответствовать полученный результат. "Вышколенный ум педанта обязан в данном случае отказаться оттого, что различные биографы, исследуя один и тот же материал, должны прийти к одному и тому же результату. Результат будет различен, может, даже диаметрально противоположен, что, однако, не свидетельствует об ошибке" (с.40). Не сводя объяснение к формальным правилам, автор обозначает опасности, подстерегающие исследователя, или презумпции (по его терминологии).

Презумпция несовпадения каузального и телеологического. Хотя, с точки зрения здравого смысла, мотивы и цели исторического лица являются условиями, предшествующими его действиям, биограф всегда должен держать в поле зрения реконструкцию более широких горизонтов общественных процессов. Иначе объяснение будет ограничено только словами самого персонажа, таким образом появится серьезная опасность мистификации прошлого.

Презумпция каузального плюрализма есть отказ от стремления установить одну и единственную причину, объясняющую, якобы наиболее полно, поведение исторического лица.

Презумпция рациональности самообъяснения состоит в праве исследователя подвергать сомнению и интерпретации самообъяснение персонажа, не считая его, однако, ложным, иллюзорным или абсурдным. Биограф не может его вообще отбросить лишь на том основании, что рациональность самообъяснения не вписывается в интеллектуальные традиции самого исследователя.

Презумпция разведения объяснения и понимания является ключевой в биографической реконструкции нашего времени. Объяснение во многом формально, понимание же есть в

определенной мере "вживание", то есть стремление биографа осознать и продемонстрировать реалии и интенции, может быть, отчасти неясные самому персонажу. Понимание — это не совокупность процедур обобщения собранного эмпирического материала, а именно создание "модели индивидуальности другого" (с. 44). Вновь процитируем Бахтина: "При объяснении — только одно сознание, один субъект, при понимании — два субъекта, два сознания. К объекту не может быть диалогического отношения, поэтому объяснение лишено диалогических моментов. Понимание всегда в какой-то мере диалогично" (с.45).

Много внимания Валевский уделяет проблемам этических ограничений и долженствований биографа. Поскольку существуют нравственные запреты на вмешательство в частную жизнь другого человека, постольку актуален вопрос, а можно ли вообще писать биографии? Истина и этика в данном случае находятся в строгой оппозиции. Чтобы пройти между этими "Сциллой и Харибдой", биографу необходимо придерживаться следующих, сформулированных автором, этических императивов: *непереписываемости, безответности, персонификации*. Иными словами, биограф ответственен перед исторической личностью, перед собой и перед поколением в равной мере.

В главе третьей биографический опыт рассматривается как осуществление четырех герменевтических ситуаций, позволяющих осуществить понимание персонажа. Это ситуация формирования и апробации смыслового эквивалента (служащего своеобразным каналом, по которому происходит трансляция смыслов из культурного контекста персонажа в контекст биографа); ситуация сверхтекстового прочтения или понимания "текста в тексте", то есть информации, попавшей в текст вне и помимо субъективного желания персонажа (иными словами, понимание сферы умолчания); ситуация непонимания (или отсутствия вопрошания, ситуация, когда наступает согласие события с биографическим опытом). И наконец, ситуация смысловой репрезентации. В результате происходит долгожданное понимание как проникновение в духовный мир создателя текстов — персонажа биографии. И в то же время автор оговаривается, что понимание осуществляется по ту сторону понятийных и процедурных действий мышления и обеспечивается принадлежностью к определенной культурной традиции.

В четвертой главе Валевский вводит понятие "биографического дискурса", рассматривая его затем в контексте истории культуры и науки как некоего целого — гуманитарного знания вообще. История жанра биографии представлена в виде смены базисных моделей биографического дискурса на протяжении различных эпох. Под моделью автор понимает определенный "проблемный диапазон сознания биографа, инструментарий и процедуры интерпретации, мыслительное пространство, в горизонтах которого факт индивидуальной жизни становится достоянием культуры" (с.66). Валевский выделяет три базисных модели. Модель упорядоченности лежит в основе античного, средневекового и возрожденческого типов жизнеописаний. Под упорядоченностью понимается не столько последовательность или логичность изображения, сколько попытка собрать вместе, в единый корпус все свидетельства (реальные или фантастические) о жизнедеятельности персонажа и все объяснения самого биографа. Так, в житиях святых персонажи предстают в "одеянии" своих действий.

Биографическая тематика Нового времени обозначена идеей "великого человека". В это время биографический жанр начинает сближаться с романом. С легкой руки Сент-Бева в гуманистику входит понятие "биографического метода", ставшего впоследствии синонимом бездоказательного литературоведения. Новоевропейской традиции биографического письма соответствует модель зеркальности. Это в первую очередь уверенность биографа в том, что "пересняв", "скалькировав" на бумагу видимый индивидуальный облик персонажа, в результате можно получить аутентичное представление о нем. Модели зеркальности присуще "отсутствие каких-либо сомнений в наличии трансформаций и деструкции феноменологического строя индивидуальности в процессе текстуального представления" (с.74). В то же время биографы этого времени ввели несколько ценных методологических новаций: требование "скрупулезной точности" повествования, использование "ретроспективной реконструкции", отказ от биографии как панегирика, а также реализм и высокую художественную изобразительность.

Тотальный кризис европейской культуры в начале XX века, произошедшая "переоценка всех ценностей" вызвали к жизни новый тип биографа — "ниспровергателя кумиров". И хотя эта разновидность биографического дискурса быстро сошла на нет, главным результатом следует считать то, что биографы впервые почувствовали себя

самостоятельными в выборе позиции по отношению к персонажу. Под воздействием идей З.Фрейда родился жанр психобиографии. Его отличает, во-первых, ориентация на реконструкцию бессознательных структур поведения, и, во-вторых, использование психологических понятий и инструментария. Интерес к феномену индивидуального, понимаемого не в узком антропологическом смысле, а выражающийся в попытках реконструировать социальную реальность как ансамбль индивидуальностей, составляющих собственно облик культуры, приводит биографов к необходимости реконструкции "жизненного пути" личности. В результате распространяется модель биографического дискурса, названная Валевским билингвизмом. Главным для нее является осознание биографом, что "достоверность обнаруживается не в событийно-фактологической подтвержденности даже обладающей статусом документальности (что является всего лишь условием достоверности), а в области вероятностного смыслового соответствия моделей тех ситуаций и тех интерпретаций, которые реконструируются биографом" (с.81).

Хотя с начала 70-х годов активно обсуждается проблема создания аутентичной модели биографического метода в социологии, тем не менее до сих пор этого не произошло. Валевский лишь слегка касается этого метода. Речь идет в основном о концепции Ф.Ферраротти, основанной на социологическом понятии "первичной группы". Особенно ценным, на наш взгляд, является проведение автором демаркационной линии между биографическим методом в социологии и биографической реконструкцией. Суть различий сводится к принципиальному допущению (учитываемому в биографике), что текстуальному воплощению предшествуют фигуры сознания, не проговариваемые и подчас не осознаваемые самим автором. Биограф вовлечен в биографический дискурс, так же как и персонаж. Биографический метод же, по мнению Валевского, есть своего рода know how, посредством которого идет поиск ответов на вопросы: каким образом отдельная личность, ее жизненный путь, динамика социальных ролей вписываются в исторический и культурный контекст; как возможно зафиксировать уникальность и неповторимость переживания социальных процессов самими участниками исторического события; как отказаться от понимания индивидуальности как социального атома, поведение которого якобы строго детерминировано социальными закономерностями.

Книга будет чрезвычайно полезна социологам, особенно предпочитающим использование качественных методов. Хочется верить, что монография А.Л.Валевского "Основания биографики" найдет отклик не только у профессиональных биографов, но и у всех, кого волнуют философские проблемы современного гуманитарного знания.

М.Г.ПУГАЧЕВА